

Алексей ИСАЕВ

АНТИ СУВОРОВ

Самые лживые мифы
о Великой Отечественной

Алексей Валерьевич Исаев

Антисуворов

Серия «10 книг о Великой
Отечественной войне, прочитав
которые вы поймете все!»

Серия «10 главных вопросов
о Великой Отечественной
войне. Почему мы победили»

Серия «Правдивая история России»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51871071

ISBN 978-5-9955-1114-4

Аннотация

Главный бестселлер ведущего военного историка. Авторитетное опровержение наиболее лживых мифов о Великой Отечественной войне, и в первую очередь самой скандальной гипотезы последних тридцати лет, согласно которой Сталин сам готовился напасть на Гитлера. Опровергая постулаты культового «Ледокола» и поймав его автора на откровенной лжи, эта книга в популярной форме также дает читателю базовые знания о

принципах ведения боевых действий Второй мировой войны, боевого применения оружия и техники.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Введение	6
Глава 1	14
Глава 2	44
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Алексей Исаев
Анти-Суворов

***Самые лживые мифы о
Великой Отечественной***

© Исаев А. В., 2023

© ООО «Яуза-пресс», 2023

* * *

Введение

А врать-то зачем?

«Простите меня. Если не готовы прощать, не читайте дальше этих строк, проклиная меня и мою книгу – не читая. Так делают многие. Я замахнулся на самое святое, что есть у нашего народа, я замахнулся на единственную святыню, которая у народа осталась, – на память о Войне, о так называемой «великой отечественной войне». Это понятие я беру в кавычки и пишу с малой буквы. Простите меня...

У меня пустая душа, а мозг переполнен номерами дивизий. Носить в мозгу такую книгу я долго не мог. Ее НАДО было написать. Но для этого надо было бежать из страны. Для этого надо было стать предателем...»

Эти слова Владимира Богдановича взяты из вступления к «Ледоколу». В. Суворов разрывает на себе одежды, посылает голову пеплом, в каком-то экстазе называет себя предателем, негодяем и вообще нехорошим человеком, не пожалевшим даже собственного папу. Мол, не хотелось, но надо было. Надо было открыть миру правду, сорвать покровы и предъявить слегка ошарашенной мировой общественности истинных виновников развязывания Второй мировой войны. Даже предателем для этого пришлось стать.

Надо сказать, я не ставлю своей целью давать оценку поступкам английского публициста Владимира Богдановича Резуна, пишущего под псевдонимом Виктор Суворов. Это, в конце концов, не мое дело. В этой книге я просто разберу труды Владимира Богдановича, их доказательную базу и уровень его книг в целом. Стоило ли ради них совершать все те поступки, о которых он так душераздирающе написал в предисловии к «Ледоколу». Начнем с главного, с методов исследования той технологии, которую Владимир Богданович использует для построения доказательств. В. Суворов с первых же страниц своего повествования утверждает, что опирается на открытые советские источники, которые каждый желающий может открыть и проверить справедливость «находок» публициста-новатора. Но многие ли из читателей «Ледокола» и «Дня М» бросились в библиотеку, чтобы сравнить приведенные цитаты с первоисточниками? Боюсь, что таких – единицы. Большинство поверили в честность цитирования и правильное понимание контекста цитаты.

В свое время один мой приятель зашел ко мне, чтобы посмотреть новинки моей библиотеки. Слово за слово, разговор повернул на В. Суворова и его эпохальные труды. Собственно, это было продолжение давнего спора, поэтому, чтобы не толочь воду в ступе, я подошел к полке, на которой стояли произведения Владимира Богдановича, и предложил другу выбрать наугад любую страницу любой из книг В. Суворова, утверждая, что найду на ней искажение фактов цити-

руемых мемуаров или книг. Он с сомнением полистал «Ледокол» 1992 г. издания и выбрал 202-ю страницу. Долго искать не пришлось: некоторые, мягко говоря, искажения, встретились сразу, в первом же абзаце. Владимир Богданович пишет: «Полковник С. Ф. Хвале́й (в то время заместитель командира 202-й моторизованной дивизии 12-го механизированного корпуса 8-й армии): *«В ночь на 18 июня 1941 года наша дивизия ушла на полевые учения» (На Северо-Западном фронте (1941–1943). С. 310). Тут же полковник говорит: «так получилось», что подразделения дивизии к началу войны оказались прямо за пограничными заставами, то есть в непосредственной близости от государственной границы»*. Вроде бы все ясно: дивизию выдвинули прямо к границе. Видимо, в процессе подготовки к нападению на Германию. Читатель получает очередное доказательство теории Владимира Богдановича. Читатель верит Владимиру Богдановичу на слово. Читатель не станет искать указанные мемуары и проверять цитату. А стоило бы. Дело в том, что на 310-й странице указанной книги написано следующее: «Случилось так, что дивизионы артополка в этот день, во время полевых учений, меняя огневые позиции, оказались в боевых порядках мотопехоты. И когда фашистские войска смяли пограничные заставы и части 125-й стрелковой дивизии и широкой лавиной двинулись на нашу дивизию, артиллеристы в упор расстреливали мотоциклистов, жгли танки». И все. 202-я дивизия не стояла за пограничниками. Немцы

смяли погранзаставы, части 125-й сд и только потом столкнулись с 202-й дивизией. Более того, полковник ясно указывает рубеж развертывания дивизии: Кельме-Кражай. Читатель, не ленись взять карту и посмотреть, насколько это близко к границе. Стоило ли держать в голове номера дивизий, если не можешь даже правильно процитировать источник? Или, может быть, это не ошибка? Может быть, это сознательное искажение информации? Ведь большинство читателей не станут проверять автора. Большинство читателей просто не имеют для этого возможности. И читатель верит Владимиру Богдановичу на слово. А зря.

На этом игра в страницы не закончилась. Следующей была выбрана страница 232. И снова мы сталкиваемся с искажением фактов: *«Итак, под прикрытием Сообщения ТАСС военные командиры высших рангов во главе армий, и один даже во главе штаба фронта, тайно перебрасываются к германским границам, бросив на произвол судьбы (и НКВД) ВСЕ внутренние военные округа»*. Хотя по состоянию на 22.06.1941 стрелковые корпуса ОрВО, СибВО и дивизии АрхВО с места не тронулись. Значительная часть дивизий УрВО и ПриВО в вагоны еще не грузилась. В качестве примера Владимиром Богдановичем приводится: *«19-я армия – это все войска и штабы Северо-Кавказского военного округа. Командующий округом генерал-лейтенант И. С. Конев объединил все войска своего округа в 19-ю армию, встал во главе этой армии и тайно двинулся на запад, бросив округ*

без всякого военного контроля» Сам Конев пишет об этом так: «Оставаясь командующим войсками Северо-Кавказского военного округа, я вступил в командование 19-й армией» (Записки командующего фронтом, М.: Голос, 2000. С. 36). В момент начала войны, 22 июня, Иван Степанович находился в Ростове-на-Дону, в штабе округа. (там же, с. 38–39). И опять читатель не станет проверять Владимира Богдановича.

В газетных статьях количество, скажем так, искажений действительности на единицу печатного текста у В. Суворова возрастает. Например, интервью Владимира Богдановича корреспонденту газеты «Московский комсомолец» М. Дейчу 29 апреля 2000 года. Цитирую: *«Сколько у нас было армий к июню 1941 года? Цифры нет. Сколько было механизированных корпусов? Написано: «несколько». Сколько воздушно-десантных корпусов? Непонятно. Нет даже точных сведений о том, сколько было военных округов и кто ими командовал».* Все эти цифры на 1 июня 1941 г. приведены в третьем томе 12-томника «История Второй мировой войны» издания 70-х годов, указанном в библиографии «Ледокола». А сведения о командующих военными округами можно почерпнуть из «Советской Военной Энциклопедии», тоже, как ни странно, входящей в библиографию книг В. Суворова. Видимо, переполнившие мозг Владимира Богдановича номера дивизий и армий смешались в однородную неудобоваримую кашу. Если не читать книги даже из библиографии

своих собственных произведений, то, конечно, приходится говорить: *«Я искал. Это был утомительный, нудный поиск»*. Сразу вспоминается басня про мартышку и очки. Дальше нашего Остапа понесло: *«Сталин готовится к наступлению. 63 танковые дивизии – и при этом ни одного саперного батальона!»* Здесь Владимир Богданович, мягко говоря, дал маху. Инженерные части, разумеется, присутствовали в РККА 22.06.1941. Если В. Суворова интересуют именно саперные батальоны, то их было 20 отдельных и по одному в каждой стрелковой дивизии. Скажем, в стрелковой дивизии, в которой служил отец нашего героя, Богдан Васильевич Резун, 140-й стрелковой дивизии 36-го стрелкового корпуса 5-й армии Юго-Западного фронта был 199 саперный батальон. См. «Перечень № 5 стрелковых, горнострелковых, мотострелковых и моторизованных дивизий, входивших в состав действующей армии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов».

Возникает законный вопрос: почему же такой, мягко говоря, недобросовестный и слабо владеющий исследуемыми вопросами человек стал популярен? Популярность В. Суворова – это популярность незатейливых голливудских мелодрам и боевиков. Он не пытается вести за собой читателя, объяснять простым языком сложные вещи. Владимир Богданович опускается до уровня простых объяснений сложных явлений. Иногда В. Суворов подражает сказке, на страницах его книг мы встретим и «мечи-кладенцы» на новом техни-

ческом уровне, чудо-танки и чудо-самолеты. Мы встретим кашееву смерть, в роли которой выступают нефтепромыслы Плоешти. Наконец, мы встретим кольцо всевластья, которым являются тысяча бомбардировщиков с пятым двигателем. Владимир Богданович вместо реальных персонажей и событий нашей и мировой истории придумал героев странной смеси народной сказки, бестселлера с привокзального лотка и «Эпизода N» «Звездных войн».

Научные и даже публицистические работы в такой технике не пишутся. Традиционная методология исследования предусматривает рассмотрение всех имеющихся данных. Факты, противоречащие теории должны быть вразумительно объяснены и интерпретированы. Претензии к Владимиру Богдановичу – это не указание мелких недочетов большого историка, а критика самой методологии построения доказательств, базирующейся на демагогии и передергивании фактов. Нормально аргументированные, пусть и неприятные официальной историографии, теории воспринимаются в научных кругах гораздо спокойнее. Проблема в том, что по популярности научные работы проигрывают творениям мастеров бестселлеров в мягкой обложке именно в силу своей научности и серьезности. И иначе нельзя. Историческая наука, несмотря на отсутствие специфических символов, как математические $\int$ или Σ , является не менее сложной наукой, требующей вдумчивого и серьезного подхода и определенных профессиональных навыков. В этом я убедился по собствен-

ному опыту, потратив несколько лет на изучение законов оперативного искусства, методов исторического исследования, документов и книг о той войне. Предлагаемая вниманию читателей книга – это не только полемика с В. Суворовым, это попытка написать своего рода энциклопедию войны, дать базовые знания о принципах ведения боевых действий и применения оружия и боевой техники.

Глава 1

Конкурс наступательных планов

*«...оперативный план войны против Германии в наших Вооруженных Силах существовал и был отработан не только в Генеральном штабе, но и детализирован командующими войсками»
А. М. Василевский*

Одна из главных претензий поклонников В. Суворова к его критикам – недостаточное внимание к общим вопросам. Якобы он может ошибаться в деталях километров в час и миллиметров брони, будучи правым в «главном». Поэтому давайте сразу займемся одним из «основных тезисов» Владимира Богдановича. Он утверждает, что у СССР существовал только наступательный план «освободительного похода»: *«На прямой вопрос, были ли планы войны у советского командования, Жуков отвечает категорически: да, были. Тогда возникает вопрос: если планы были, почему Красная Армия действовала стихийной массой без всяких планов? На этот вопрос Жуков ответа не дал. А ответ тут сам собой напрашивается. Если советские штабы работали очень интенсивно, разрабатывая планы войны, но это были не оборонительные и не контр наступательные планы, то какие тогда? Ответ: чисто наступательные».* Однако

за кадром остался вопрос, у кого они были оборонительные. Все планы войны крупных держав – участников двух мировых войн двадцатого столетия были наступательными. Причем наступательный характер не зависел от того, кто явится инициатором войны. Для военного планирования это было абсолютно безразлично, планы вопрос очередности объявления войны не рассматривали. Оборонительными были только планы мелких стран, основной линией планирования в этом случае была упорная оборона в надежде на то, что могущественные союзники сокрушат напавших на страну-карлик противников. У читателя сразу возникнут два вопроса: «Почему планы наступательные и почему РККА не помогли планы в 1941 г.?»

Для начала давайте оглянемся назад, как планировали войну и ее начальные операции в 1914 году. Многие тактические и стратегические решения войны последующей происходят из войны предыдущей. Поэтому без понимания событий 1914 г. трудно разобраться в событиях рокового 1939 г. и трагического 1941 г. Начнем с Антанты, про Германию и план Шлиффена читатели, скорее всего, слышали, и я лишь напомним несколько позже его основные моменты. На мой взгляд, ярче всего суть военного планирования Франции и России отражают слова, записанные в протоколе совещания начальников штабов от 13 июля 1912 года: «Оба начальника Генеральных штабов объявляют с обоюдного согласия, что слова «оборонительная война» не могут быть поняты в том

смысле, что «война будет вестись оборонительно». Они, наоборот, подтверждают абсолютную необходимость для русской и французской армий начать решительное и, поскольку возможно, одновременное наступление...» (Материалы по истории франко-русских отношений за 1910–1914 гг. Сборник секретных дипломатических документов. М., 1922. С. 708). Слова эти повторяются и в протоколе совещания августа 1913 г. и августа 1911 г. в практически неизменном виде.

Итак, Франция вступила в войну с так называемым «планом № 17» Жоффра. Он предусматривал наступление германских армий по двум направлениям первое – на восток из района южнее крепости Туль, между лесистыми массивами Вогезов и р. Мозель, второе – на северо-восток из районов к северу от линии Верден-Мец. План предполагал, что главная масса германских сил будет стремиться во Францию через Люксембург и южную Бельгию. Удар французских войск, соответственно, наносился по левому флангу предполагаемой германской ударной группировки. То есть объяснение наступательной направленности плана вполне очевидно: вместо того, чтобы принимать удар в лоб, наносим свой удар во фланг, вынуждая противника отказаться от наступления под угрозой флангового обхода. Считаю необходимым также сказать несколько слов о французской армии тех лет, очень много интересных параллелей намечается. Основу военной доктрины составлял «элан» (порыв), проще говоря, стратегия и тактика были наступательными.

Французский Устав 1913 года начинался с высокопарного заявления: «Французская армия, возвращаясь к своей традиции, не признает никакого другого закона кроме закона наступления». Далее следовали заповеди, составленные из говорящих сами за себя тезисов: «наступление без колебаний», «неистовость и упорство», «сломить волю противника», «безжалостное и неустанное преследование». «Только наступление, – возвещал Устав, – приводит к положительным результатам». В том же духе было настроено высшее руководство страны. Президент республики Фальер заявил в 1913 году: «Только наступление соответствует темпераменту французского солдата. Мы полны решимости выступить против противника без колебаний». Желающие могут смело искать 10 различий с тем, что наблюдалось у нас перед 1941-м, а мы продолжим наше повествование, обратившись к военным планам России образца 1914 года.

Как и предполагалось на совместных совещаниях начальников Генеральных штабов Франции и России, планы русского командования тоже были наступательными. Позволю себе дать слово документам. По плану, утвержденному Николаем II 1 мая 1914 г., общей задачей был «переход в наступление против вооруженных сил Германии и Австро-Венгрии с целью перенесения войны в их пределы» (История военной стратегии России. М.: Кучково поле, 2000. С. 101 со ссылкой на РГВИА, Ф. 2000, Оп. 1 Д. 459, Л. 7). Предполагалось достигнуть целей войны в течение 1,5–2 ме-

сцев. В 1914 г. тоже все было в порядке с «малой кровью, на чужой территории». Говоря о военных планах России, хотелось бы отметить следующее. Наступательный характер действий русской армии объяснялся не только союзническим долгом. Обязательствами перед Францией определялось направление главного удара Германии, так называемый план «Г». Поскольку Восточная Пруссия была крепким орешком, более целесообразным русское высшее военное руководство считало нанесение основного удара по Австро-Венгрии, так называемый план «А», но пассивная стратегия не предусматривалась ни в каком случае. Окончательный вариант плана, принятый под давлением Жоффра, реализовывал стратегию воздействия на немцев с целью заставить их распылить силы. Предполагалось, что основной удар Германия нанесет по Франции. Если русские войска будут проводить пассивную, оборонительную стратегию, то немцы могут оставить в Восточной Пруссии минимум сил, сосредоточив максимально сильную группировку против Франции. Затем, разгромив Францию, повернутся всеми силами к России. Напротив, если русская армия начинает наступление против Восточной Пруссии, то немцам придется ослабить группировку войск, действующих против Франции, усилив оборону этой области. Более того, (как это реально и случилось) в случае сильного давления русских войск на колыбель прусского духа придется снимать наступающие во Франции войска, сажать их в поезд и везти на Восток. Эти закономерности, относя-

щиеся к разным театрам военных действий, применимы и для большого по своей протяженности фронта двух воюющих армий. Если мы наступаем на одном участке фронта, то целесообразно проводить активные, наступательные действия и на другом с целью не допустить рокировки противником резервов на выручку своим войскам.

Теперь на очереди планы стран Оси, начнем с Австро-Венгрии. Концептуально, разумеется, ничего нового: план войны наступательный. Но позволю себе процитировать слово в слово написанное по поводу мотивировки наступательных планов Австро-Венгрии генералом русской армии Андреем Медардовичем Зайончковским, учившим будущих красных командиров тяжелому опыту Первой мировой войны. Итак: «Конрад в своих мемуарах пишет, что его руководящей идеей операций против России было наступление, невзирая на риск, так как оборона при первых же столкновениях повлекла бы катастрофу для австро-венгерской армии. 40 дивизий, собранных в Галиции (эшелоны «А» и «С»), не могли оставаться пассивными в то время, когда численно превосходные русские силы теснили бы союзников в Восточной Пруссии и Румынии, а затем после легкой победы над ними обрушились бы всеми силами на Австро-Венгрию. Перейдя Верхнюю Вислу близ впадения в нее р. Сана и сковав австро-венгерские армии в Галиции, русские открыли бы свободный путь на Берлин или Вену. «Прежде всего возможно крупными силами дать генераль-

ное сражение русским войскам, сосредоточенным между р. Вислой и Бугом, при содействии с севера удара на Седлец большею частью собранных в Восточной Пруссии германских сил, – такова была ближайшая цель моего плана», – пишет Конрад (Feltlmarschall Conrad, Aus meiner Dienstzeit, IV, 1923. С. 286)» (Зайончковский А. М. Мировая война 1914–1918 гг. М.: Государственное военное издательство Наркомата обороны Союза ССР. 1938, С. 67–68). Известный советский военный теоретик А. Свечин рисует обстановку даже более прозаически: «Австрийский генеральный штаб с Конрадом во главе рассуждал перед мировой войной так: Россия может выставить против нас на 20-й день мобилизации 35 дивизий, на 30-й день – 60 дивизий; Австрия может на 20-й день располагать четырьмя десятками дивизий. Значит, австрийцы должны наступать: при обороне австрийцы будут раздавлены, при наступлении они могут рассчитывать даже на некоторый численный перевес» (Свечин А. Постигание военного искусства. М.: Русский путь, 2000. С. 370). Побудительные мотивы Австро-Венгерского штаба вполне очевидны. Если начать наступать, то есть шанс перемолоть некоторое количество русских дивизий, пользуясь первоначальным превосходством. Прибывающие по мобилизации русские дивизии уже не будут иметь такого подавляющего преимущества, из 60 дивизий на 30-й день мобилизации будет вычтено некоторое количество перебитых австрийцами при ударе 40 австрийских против 35 русских. Мы видим практиче-

ски одинаковые побудительные мотивы, по сути вынуждавшие руководителей Генеральных штабов разных стран рисовать на картах стрелочки, направленные на территорию сопредельных государств, с которыми может случиться война. Альтернативы этому нет, или мы отдаем противнику инициативу и он наваливается превосходящими силами на нашего союзника или на выгодный ему участок общего фронта, достигает там успеха, а потом всеми силами обрушивается на нас или другой участок фронта. Армия, выбравшая пассивную стратегию, будет просто разгромлена по частям. Напротив, если планы наступательные, стратегия активная, то противник не будет спокоен за оборону на тех участках фронта, где он не планирует активных действий. Вместо максимальной концентрации всех возможных сил на направлении главного удара противник будет вынужден ослаблять ударную группировку за счет войск, усиливающих оборону пассивного участка, которому грозит наш удар. Исходя из этих общестратегических соображений в штабах армий, готовящихся к очередной войне, разрабатываются наступательные планы. Последний из рассматриваемых нами планов – это план Германии, базирующийся на идеях Шлиффена. В нашу задачу не входит детальное описание этого плана, отмечу только один важный аспект. Несмотря на общую наступательную направленность, план предусматривал оборонительные действия в Восточной Пруссии с опорой на развитую железнодорожную сеть и легендарные укрепления этой области, став-

шие крепким орешком для русской армии в двух мировых войнах. Это важная особенность наступательных планов, о которой ни в коем случае нельзя забывать. Фронт соприкосновения армий большой, и нельзя всюду наступать, неизбежно будут участки, где придется строить оборону. В случае с планом Шлиффена такими участками должны были стать Восточная Пруссия и левый фланг германской армии, опиравшийся на крепость Мец. Какой из этого можно сделать общий вывод? Планирование наступательной операции не исключает возможности построения на определенных участках фронта оборонительных сооружений и занятия прочной обороны, задача которой – сковать возможно больше противника, пока наши ударные крылья делают свое дело.

Чисто оборонительные планы – это удел государств-карликов, чья задача – или продержаться до тех пор, пока могущественный союзник не задавит их противника, или дорого продать свою жизнь. Примером подобной стратегии могут служить действия Сербии, Бельгии в Первой мировой войне.

Итак, мы постепенно переходим к событиям Второй мировой войны. «Может быть, что-то изменилось?» – спросит читатель. Нет, указанные выше базовые принципы стратегии никуда не делись.

Польский план войны с Германией базировался на тех же самых представлениях о роли и месте обороны в войне, которые заставляли писать наступательные планы 20 годами ранее. Главнокомандующий маршал Рыдз-Смиглы, несмотр-

ря на очевидный факт, что Германия сильнее Польши и, возможно, нанесет основной удар не по союзнику Польши Франции, а по самой Польше, заложил в план не только оборонительный элемент, удержание всей территории Польши, но и наступательный элемент, удар по немецкой группировке в Восточной Пруссии. На границе с Восточной Пруссией одна небольшая группировка польской армии (две дивизии, две кавбригады) развертывалась в районе Сувалки, другая, более крупная (армия «Модлин» в составе четырех дивизий и двух кавбригад) – вдоль южной окраины Восточной Пруссии и третья (армия «Поммерлен» – шесть дивизий) – в Польском коридоре. Такое распределение сил указывает на замысел предпринять наступление по сходящимся направлениям против немецких войск в Восточной Пруссии. В некотором смысле польская армия воспроизводила ситуацию 1914 года, когда удар по Восточной Пруссии должен был отвлечь немецкие силы от главного направления польской Западной границы. Реализуемость этого плана оставим за кадром, нас интересует только его характер. Замечу, что изложенные мной факты не являются тайной, все вышеизложенное можно прочесть в открытых источниках. Небольшая цитата: «В основу польского стратегического развертывания в сентябре 1939 года был положен наступательный план, ставивший своей задачей захват Данцига и Восточной Пруссии» (Иссерсон Г. С. Новые формы борьбы. М.: Воениздат, 1940. С. 33–34). Георгий Самойлович анализирует

группировку польских войск и делает вывод: «Таким образом, вся польская армия, не считая прикрытия на восточной границе и резерва внутри страны, составила 6–7 отдельных групп и была своей основной частью обращена фронтом на север, против Данцига и Восточной Пруссии. Сильная Познанская группа войск составила как бы стратегический резерв и в мечтах кое-кого из стратегических фантазеров, видимо, должна была победоносно войти в Берлин, от которого ее отделяло расстояние всего в 150 км» (там же, с. 35). Причины поражения Польши скорее не в плане, а в развертывании и мобилизации, но эту тему мы обсудим несколько позже. А пока обратимся к военному планированию Франции и Англии.

31 мая 1939 года французский Генеральный штаб начал разработку плана наступления на фронте между Мозелем и Рейном, который должен был стать основой военных действий против Германии. Этот план был предложен 1 сентября 1939 года генералом Гамеленом правительству. Главный удар по этому плану предполагалось наносить вдоль Рейна на Майнц, отрезая основную германскую группировку с тыла. Однако это предложение не было реализовано. Была лишь предпринята ограниченная операция в районе Саарбрюккена с целью установить контакт с линией Зигфрида. Заняв Варндский лес к западу от города и продвинувшись на 7–8 км между Шпихерном и Хорнбахом, французские войска получили 12 сентября приказ прекратить наступление

«ввиду быстрого развития событий в Польше». Далее началась война, получившая название Sitzkrieg, «сидячая война», известная также как «странная война». Предоставим слово Лиддел Гарту: ««Странная война» – понятие, пущенное в ход американской печатью. Вскоре оно прижилось по обе стороны Атлантики и прочно закрепилось как название периода войны от падения Польши в сентябре 1939 года до начала наступления немецких войск на Западе весной следующего года. Те, кто пустил в ход это понятие, имели в виду, что войны как таковой не было, поскольку между франко-английскими и немецкими войсками не происходило никаких больших сражений. На самом же деле это был период активной закулисной деятельности сторон. [...] В течение осени и зимы, вместо того чтобы сосредоточить внимание на подготовке эффективной обороны от вероятного наступления гитлеровских войск, союзные правительства и верховное командование детально обсуждали наступательные планы против Германии и ее флангов, хотя в действительности они не имели возможности осуществить эти планы своими силами и средствами. После падения Франции немцы захватили документы французского верховного командования и частично опубликовали их. Это был сенсационный материал. Документы свидетельствовали, что в течение зимы союзное командование обдумывало планы самых различных наступательных операций: план удара по Германии через Норвегию, Швецию и Финляндию; план удара по Рур-

скому бассейну через Бельгию; план удара по Германии через Грецию и Балканы; план удара по нефтеносным районам на Кавказе с целью отрезать Германию от источников снабжения нефтью. Это был конгломерат напрасных воображений союзных лидеров, которые пребывали в мире иллюзий до тех пор, пока их не привело в чувство наступление Гитлера» (Лиддел Гарт Б. Г. Вторая мировая война. М.: АСТ, СПб.: Terra Fantastica, 1999. С. 56).

Тенденция разработки наступательных планов войны затрагивала даже небольшие государства, не обладающие весомой военной силой. Вы будете смеяться, но у Финляндии в 30-е годы тоже был наступательный план, предусматривалось наступление вглубь территории СССР. По этим планам линия Маннергейма отражала удар с юга, а финская армия наступала по всему фронту на восток в Карелию. Когда война уже была на пороге, благоразумие взяло верх и 5, 9 октября 1939 г. войскам дали указание готовиться к обороне, но с оговоркой, что при необходимости нужно будет провести наступательную операцию в районе Реболы, отодвигая границу от самой узкой части Финляндии. Причем написанное мной не является тайной, про это написано в официальной «Истории зимней войны» (Talvisodan historia. Osa. 1. S. 98, 104).

Как мы видим, со времени Первой мировой ничего принципиально не изменилось: как «плохие парни» в лице Германии, так и «хорошие парни» в лице Польши, Франции, Ан-

глии и даже Финляндии имели наступательные военные планы. Почему в этом ряду СССР должен был быть исключением? Советский Союз не был карликовым государством, которое могло рассчитывать только на то, чтобы дорого продать свою жизнь или дожидаться, когда большие добрые дяди накостыляют обидчику. Соответственно, и военное планирование носило наступательный характер, по крайней мере с 1938 года. Будем рассматривать имеющиеся документы в хронологическом порядке. Итак, что же планировали в 1938 году? Тогда предполагался конфликт с Польшей в союзе с Германией. Описание планируемых боевых действий выглядит так (сохранены орфография и стиль оригинала): «При определении направления нашего главного удара к северу от Полесья нужно учесть, что главные силы германской армии мы встретим, по всей вероятности, в районе Свенцяны – Молодечно – Гродно. Если будет немцами нарушен нейтралитет Латвии, то возможно, что часть германских сил поведет наступление к северу от Двины. Барановичское направление будет занято поляками.

Наступление наше к северу от Двины, при условии участия в конфликте Латвии, или от Полоцка на запад и юго-запад ведет к длительному обходному движению по местности, слабо оборудованной железными дорогами.

Наша атака Барановичей и наступление главными силами в этом направлении поведет к затяжным боям.

Таким образом, наиболее выгодным направлением глав-

ного удара будет проведение его по обоим берегам р. Немана с задачей разгрома сосредоточивающихся здесь германо-польских сил с выходом наших главных сил в район Вильно, Гродно, Волковыск. Новогрудок. Молодечно.

Прорыв фронта противника позволит нам или развить операцию ударом по германской группировке на территории Литвы, или же нанести удар по Барановичской группировке поляков. Фланги ударных армий будут прикрыты – одной армией, наступающей от Полоцка, и другой армией, ведущей наступление от Слуцка и Барановичей, а также резервами как фронта, так и Главного командования» (1941 год. В 2 кн. Кн. 2. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. С. 563–564).

Характер действий войск Красной армии южнее Полесья предполагался несколько менее агрессивным: «...Активная оборона с атакой противника в Ровно-Кременецком районе и выходом в район Ровно – Дубно – Броды с дальнейшим наступлением в общем направлении на Люблин» (там же, с. 564).

По просьбам трудящихся привожу малозначительный раздел плана, касающийся действий против Румынии, против яйца Кашея по Суворову: «На румынской границе оставляется заслон в 3 стрелковых дивизии, опирающийся на укрепленные районы; в резерве фронта за ними располагаются 2 кавалерийские дивизии из СКВО» (там же).

После того как один из потенциальных противников пла-

на 1938 года был устранен, в Генеральном штабе началась разработка нового оперативного плана. Приведу некоторые цитаты из варианта этого плана, датированного 18 сентября 1940 года. В части, касающейся Северо-Западного фронта. Основные задачи его были оборонительные, прикрытие побережья Балтийского моря от высадки морских десантов противника, прочно прикрывать Минское и Рижско-Псковское направление. Но была наступательная компонента: «3. С целью сокращения фронта 11-й армии и занятия ею более выгодного исходного положения для наступления в период сосредоточения войск во взаимодействии с 3-й армией Западного фронта овладеть районом Сейны, Сувалки и выйти на фронт Шиткемен, Филипово, Рачки.

4. По сосредоточении войск ударом в общем направлении на Инстербург, Аленштейн совместно с Западным фронтом сковать силы немцев в Восточной Пруссии» (1941 год. В 2 кн. Кн. 1. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. С. 242).

Задачи Западного фронта предусматривали несколько большую активность: «Западный фронт – основная задача – прочно прикрывая Минское направление, по сосредоточении войск одновременным ударом с Северо-Западным фронтом в общем направлении на Аленштейн сковать немецкие силы, сосредоточивающиеся в Восточной Пруссии. С переходом армий Юго-Западного фронта в наступление ударом левофланговой армии в общем направлении на

Ивангород способствовать Юго-Западному фронту разбить Люблинскую группировку противника и, развивая в дальнейшем операцию на Радом, обеспечивать действия Юго-Западного фронта с севера» (1941 год. В 2 кн. Кн. 1. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. С. 242).

Ну и наиболее масштабными были задачи Юго-Западного фронта: «Юго-Западный фронт – основная задача – прочно прикрывая границы Бессарабии и Северной Буковины, по сосредоточении войск во взаимодействии с 4-й армией Западного фронта нанести решительное поражение Люблин-Сандомирской группировке противника и выйти на р. Висла. В дальнейшем нанести удар в направлениях на Кельце – Петроков и на Краков, овладеть районом Кельце – Петроков и выйти на р. Пилица и верхнее течение о. Одер» (1941 год. В 2 кн. Кн. 1. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. С. 243).

Это так называемый «южный» вариант развертывания советских войск, предусматривающий сосредоточение большей части войск севернее Брест-Литовска. Был еще и «северный» вариант развертывания, по которому основной задачей советских войск была Восточная Пруссия. Этот вариант считался менее предпочтительным. Замечу, что фактически советский Генштаб стоял перед тем же выбором, что и русский перед Первой мировой войной, выбором между ударом по Восточной Пруссии и наступлением южнее Припятских болот. В 10-е годы под давлением Франции, требо-

вавшей обеспечить прессинг на немцев во спасение Парижа, выбрали удар по Восточной Пруссии. В 1940-м никакого давления извне создатели плана не испытывали, и был сделан выбор в пользу «южного» варианта развертывания. По сути своей план войны, с которым русская армия вступила в войну в 1914-м, и план, с которым Красная армия встретила немцев у границ, были одинаковыми, оба носили наступательный характер. И это, как мы теперь знаем, не было чем-то исключительным. Наилучший способ защиты своей страны – это разгром армии противника решительными ударами – вполне очевидный тезис, лежавший в основе военного планирования многих стран.

Более известные широкой публике «Соображения...» от 15 мая 1941-го ведут свою генеалогию как раз от планов 1940-го. Удар советских войск по правке в документе от 15 мая приобрел более яркую форму «канн», удара по сходящимся направлениям силами Западного и Юго-Западного фронтов. Задачей Западного фронта было «упорной обороной на фронте Друкеники, Остроленка прочно прикрыть Лидское и Белостокское направления; с переходом армий Юго-Западного фронта в наступление ударом левого крыла фронта в общем направлении на Варшаву и Седлец, Радом разбить Варшавскую группировку и овладеть Варшавой, во взаимодействии с Юго-Западным фронтом разбить Люблинско-Радомскую группировку противника, выйти на р. Висла и подвижными частями овладеть Радом» (1941 год. В 2

кн. Кн. 2. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. С. 218). Планируемая операция советских войск приобрела более изящный вид, «канны» ударов из львовского и белостокского выступа и рассекающий удар 5-й армии в центре. Ну и, разумеется, как логическое продолжение предыдущих планов никаких бросков за иголкой в яйцо, которое в утке (далее по тексту народных сказок), в Румынию: «Прочно оборонять госграницу с Венгрией и Румынией и **быть готовым** к нанесению концентрических ударов против Румынии. Из районов Черновицы и Кишинев с ближайшей целью разгромить сев. крыло Румынской армии и выйти на рубеж р. Молдова, Яссы» (1941 год. В 2 кн. Кн. 2. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. С. 218, выделено мной). Суворов с направлениями ударов и общей идеей советского военного планирования попал пальцем в небо: *«На просторы Румынии ворвалась самая мощная из советских армий – 9-я, [...] 12-я и 18-я, наносят удары вдоль горных хребтов, отрезая Германию от источников нефти»* («Ледокол», глава «Война, которой не было»).

Вышеизложенные планы – это планы первых операций. Но для осуществления этих планов нужно выстроить войска у границы. В мирное время войска находятся в пунктах постоянной дислокации, совершенно необязательно находящиеся близко к возможному театру военных действий. Для осуществления запланированной операции. Соответственно, план действий на случай войны предусматривает не толь-

ко описание направлений ударов, выделенных для нанесения ударов войск, но и описание процесса развертывания (выше я несколько раз уже употреблял этот термин). Развертывание предусматривает погрузку войск, назначенных для операции, в вагоны и отправку по железной дороге на ТВД, где ожидаются военные действия. В процитированных мной отрывках документов присутствуют элементы планирования такого рода. Например: «На румынской границе оставляется заслон в 3 стрелковых дивизии, опирающийся на укрепленные районы; в резерве фронта за ними располагаются 2 кавалерийские дивизии из СКВО». СКВО – это Северо-Кавказский военный округ. Войны не происходят с бухты-барахты, всегда есть период политической напряженности, кроме того, по воззрениям Первой мировой и 30-х годов между объявлением войны в той или иной форме и началом активных боевых действий присутствует период развертывания, когда обе воюющие стороны проводят мобилизацию, грузят войска в вагоны и отправляют к границе. Напомню, что между датой официального начала Первой мировой войны 1 августа 1914 года и началом широкомасштабных боевых действий 17 августа 1914-го был более чем двухнедельный период, когда боевые действия велись мизерными по сравнению с мобилизуемыми армиями силами, период, когда противники только готовились вступить в схватку. После того как мобилизованные и кадровые части приедут к границе, штабы начинают запланированные наступательные операции. В пе-

риод между началом войны и активными боевыми действиями на границе находятся так называемые армии прикрытия. Это не советское изобретение, то, что Владимир Богданович не в курсе дискуссий мировой военной мысли 1930-х годов об «армиях прикрытия» и «армиях вторжения», – это исключительно его проблемы. Европейская военная мысль после Первой мировой войны не стояла на месте, и в разных странах активно велись дискуссии о новинках технического прогресса, их возможном применении в начальном периоде войны, эволюции самого начального периода. Предполагалось, что, в отличие от первых дней Первой мировой войны, в будущей войне каждый из противников будет не просто прикрывать границу от вылазок противника, но и пытаться сорвать стратегическое развертывание, доставку войск к границе для проведения операций начального периода войны. Первоначально считалось, что задачи по срыву развертывания возьмет на себя авиация. Потом пошли дальше и предположили, что в период мобилизации и развертывания армии прикрытия могут попробовать вести активные боевые действия силами мотомеханизированных соединений, фактически превращаясь из «армий прикрытия» в «армии вторжения». Подчеркну еще раз, что это не советское изобретение, Суворов слышал звон, но не знает, где он. Параллельно прорабатывались возможности проведения скрытого развертывания и мобилизации, не в момент объявления войны, а в период политической напряженности. В 1939 го-

ду, еще до начала войны, был издан фундаментальный труд профессора Меликова «Стратегическое развертывание», где он подробно рассказывает об «армиях вторжения», обильно цитируя... иностранных военных мыслителей. Да что говорить, Шарль де Голль в своей книге «За профессиональную армию» указывает на возможность ее применения в качестве армии вторжения. Он прямо указывает на преимущества применения механизированных сил в начальный период войны: «Профессиональная армия приступит к выполнению возлагаемой на нее роли прежде всего в течение той фазы конфликта, когда противники объединяют средства для своих активных выступлений и формируют силы для первых столкновений. То начальное преимущество, которым она в силу своей организации будет обладать, позволит ей захватить в свои руки инициативу как залог победы в первые же дни конфликта» (Голль Шарль де. Профессиональная армия. Госвоениздат, 1935. С. 56).

Кое-что из военной теории было доведено до практической реализации. В 1933 году в Польше была проведена военная игра, в ходе которой отрабатывалось вторжение на территорию СССР с целью срыва мобилизации РККА и прикрытия мобилизации и развертывания собственных вооруженных сил. В 1934–1936 годах на учениях в Польше, Германии, Италии, Франции отрабатывались действия армий вторжения. Изучались возможности рейдов мотомеханизированных соединений и конницы с целью срыва развертыва-

ния противника. СССР не остался в стороне этих тенденций, и Генеральный штаб в 1934 году разработал проект «Наставления по операции вторжения». Теорию отработывали на практике во время полевой поездки в мае 1935 года в войска Белорусского и Приволжского военных округов.

Чтобы не быть голословным, приведу слова одного из советских военных теоретиков, достаточно ясно обрисовывающего суть вопроса: «По этой схеме основная масса авиации, объединенная в руках главного и фронтового командования, наносит глубокие и мощные удары, высаживает авиадесанты, срывает мобилизацию и сосредоточение и потрясает тыл страны.

Конница и мотомехсоединения вторгаются на предельную глубину, дезорганизуют развертывание армии, заставляют относить его в тыл страны, производя его в неблагоприятных условиях, захватывают важные рубежи и районы, громят склады и центры управления, совместно с высаженными десантами создают крайне напряженную обстановку в тылу противника.

За этим первым эшелоном, который вторгается на территорию противника, развертывается сухопутная армия, но не по государственной границе, а на захваченных рубежах, и, поскольку армия и страна противника уже деморализованы, она своим быстрым наступлением довершает его разгром.

В таком аспекте, в своем развернутом виде это схема завтрашнего дня, хотя по своим основным тенденциям она в

значительной степени годится и на сегодня при условии реального учета соотношения сил и возможностей обеих сторон.

Современные оперативные доктрины наших возможных противников в той или иной степени отражают различные элементы из двух изложенных точек зрения в зависимости от их политико-экономического и военного положения».

Довольно подробное освещение дает французская военная литература, где этот вопрос находит следующее разрешение. Во введении к французскому Временному наставлению по тактическому применению крупных соединений (дополнение 1930 г.) говорится:

«Современное военное положение в Европе позволяет предвидеть, что в начале войны наличные силы будут состоять из немногочисленных армий, предназначенных для обеспечения всеобщей мобилизации у себя или для затруднения таковой у противника. Эти армии будут призваны маневрировать на свободных пространствах».

По взглядам ряда французских авторов вырисовывается следующая возможная схема операций начального периода на франко-германском театре: а) Быстрое вторжение на территорию противника армии прикрытия, предшествуемой и поддерживаемой воздушными дивизиями. Использование авиации мыслится не только для бомбардировочных действий, но и для «перепрыгивания через фронт» (генерал Шаллеа) путем производства тактических и оперативных де-

сантов. б) Это вторжение имеет задачей: воспрепятствовать мобилизации в пограничной полосе, затруднить мобилизацию во всей стране противника и препятствовать сосредоточению его армии.

Далее – занять рубеж, удобный как для развития последующего наступления вглубь неприятельской страны, так и для обеспечения своей территории, и удерживать этот рубеж до сосредоточения главных сил мобилизуемой массовой армии» (Шиловский Е. А. «Начальный период войны», «Война и революция» сентябрь – октябрь 1933 г. цитируется по: Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах. М.: Воениздат, 1965. С. 502–503).

Но практического применения теория «армий вторжения» в СССР не получила. В начальный период войны предполагалось вести авиационное наступление и сдерживать возможные попытки противника сорвать «армиями вторжения» мобилизацию и развертывание. Владимир Богданович утверждает: *«Вторая главная идея моей книги в том, что в День «М», в момент перехода от тайной к открытой мобилизации, кадровые дивизии Красной Армии совсем не намеревались стоять барьером на наших границах. Прикрытие мобилизации (точнее, открытой, завершающей ее части) планировалось не стоянием на границах, а внезапными сокрушительными ударами»*. Далее приводятся цитаты из советских военных теоретиков 30-х. Как я уже показал выше, с теоретиками было все в порядке и в других странах. Хуже было с

практиками «армий вторжения», оставшимися на бумаге.

Теоретики могли утверждать все что угодно, но подтверждением принятия их идей высшим военным руководством страны являются планы. И тезис В. Суворова опровергается опубликованными на данный момент документами. В «Соображениях...» 1940 и 1941 годов и в разработанных на их основе окружных планах оперативного развертывания в явном виде указывается характер действий РККА в начальный период войны. Операций в силе «армии вторжения» в советских планах попросту нет.

«VI. Прикрытие сосредоточения и развертывания.

Для того чтобы обеспечить себя от возможного внезапно-го удара противника, прикрыть сосредоточение и развертывание наших войск и подготовку их к переходу в наступление, необходимо:

1. Организовать прочную оборону и прикрытие госграницы, используя для этого все войска приграничных округов и почти всю авиацию, назначенную для развертывания на западе;

2. Разработать детальный план противовоздушной обороны страны и привести в полную готовность средства ПВО».

То же самое, прикрытие границы на период сосредоточения и развертывания, действия авиации по срыву развертывания противника, мы увидим в более поздних документах. В «Военно-историческом журнале» в 1996 г. были опубликованы планы прикрытия округов, разработанные по май-

ским директивам наркома обороны. Задачи войск КОВО по этим планам принципиально не изменились по сравнению с запиской Пуркаева, поэтому для разнообразия процитируем документ, составленный командованием Западного Особого военного округа: «1. **С целью прикрытия отмотилизова-
вания, сосредоточения и развертывания войск окру-
га** вся территория разбивается на четыре армейских района прикрытия (РП) государственной границы, а именно:

- а) район прикрытия № 1 – Гродненский, 3-й армии;
- б) район прикрытия № 2 – Белостокский, 10-й армии;
- в) район прикрытия № 3 – Бельский, 13-й армии;
- г) район прикрытия № 4 – Брестский, 4-й армии.

2. Общие задачи войск округа по обороне госграницы:

- а) упорной обороной полевых укреплений по госгранице и укрепленных районов:

не допустить вторжения как наземного, так и воздушного противника на территорию округа;

прочно прикрыть отмотилизование, сосредоточение и развертывание войск округа;

- б) противовоздушной обороной и действиями авиации обеспечить нормальную работу железных дорог и сосредоточение войск;

в) всеми видами и средствами разведки округа своевременно определить характер сосредоточения и группировку войск противника;

- г) активными действиями авиации завоевать гос-

подство в воздухе и мощными ударами по основным жел[езно] дорожным узлам, мостам, перегонам и группировкам войск нарушить и задержать сосредоточение и развертывание войск противника;

д) не допустить сбрасывания и высадки на территории округа воздушных десантов и диверсионных групп противника». (ВИЖ. 1996. № 3. С. 7).

Здесь тоже все вполне очевидно: пассивные действия сухопутных сил на период расстановки фигур на шахматной доске и попытки сорвать сосредоточение и развертывание противника ударами авиации. Удручает в публикации «Военно-исторического журнала» другое. Планы прикрытия представляются как аргумент в пользу теории В. Суворова в целом. Предваряется текст документов широковещательным заявлением о том, что оперативные планы округов были чисто оборонительными. «Главной мысли» об «освободительном походе» эти планы никак не противоречат. Они противоречат утверждениям Владимира Богдановича о том, что собирались прикрывать сосредоточение и развертывание вторжением на территорию противника. Вообще, заочные поединки В. Суворова и его официальных оппонентов зачастую напоминают петушиные бои в исполнении пенсионеров. Обе стороны заодно размахивают клюками, не представляя себе, как жалко это выглядит со стороны. Обе стороны демонстрируют удручающее непонимание теорий и технологии войны 30–40-х годов. Период сосредоточения

и развертывания – это, по сути, период расстановки фигур на шахматной доске. Судить по процессу расстановки фигур, что один из шахматистов применит старо-индийскую защиту, попросту глупо. После прикрытия границ на период мобилизации могло последовать все что угодно: и пассивное стояние вдоль границы в ожидании удара, и наступление с далеко идущими целями. В реальности, как мы знаем по опубликованным документам, должна была последовать наступательная операция. Вполне заурядный порядок действий с точки зрения двух мировых войн. Последовательность действий СССР, военное планирование РККА не носили характер чего-то агрессивного или из ряда вон выходящего. Вполне заурядные и общепринятые мероприятия, сами по себе не свидетельствующие ровным счетом ни о чем. Ни об агрессивности, ни о «белости и пушистости».

Теперь вернемся к началу главы и попробуем понять, почему действия войск летом 1941 года представляют собой сплошную импровизацию. Для того чтобы начать крупномасштабные боевые действия с наступательных планов первых операций, противники должны были оказаться в одинаковых условиях несколькими неделями ранее. В 1914 году присутствовал период политической напряженности, обмена ультиматумами и грозными нотами. При этом противники в этот период выступили в равных условиях, до начала мобилизации и развертывания войск. Когда война была формально объявлена, до начала первых операций существовал

период, в течение которого участники мобилизовали армии и везли войска к границе. У СССР в 1941 году такой возможности не было ввиду отсутствия периода обмена нотами и ультиматумами. Вермахт к началу конфликта был полностью мобилизован, и выдвинут к границе с СССР в том составе, в котором должен был вести первую операцию. РККА не была отмобилизована ввиду позднего осознания опасности войны. Войска, которые должны были участвовать в указанных выше наступлениях, к границе подвезены не были. Соответственно, план мог быть хоть оборонительным, хоть наступательным. Группировка для его осуществления просто отсутствовала. Называется такое положение «упреждение в развертывании».

Глава 2

О чем говорило выдвижение к границам?

«Вечером 15 июля штаб 14-й кавалерийской дивизии прибыл в Ченстохов. Город не чувствовал, что над ним сгущаются тучи»

Б. М. Шапошников «Воспоминания»

Для начала – слово Владимиру Богдановичу: *«Коммунисты объясняют создание и выдвижение Второго стратегического эшелона Красной Армии в западные районы страны тем, что вот-де Черчилль предупредил, Зорге предупредил, еще кто-то предупредил, одним словом, выдвижение Второго стратегического эшелона – это реакция Сталина на действия Гитлера.*

Но это объяснение не выдерживает критики. Генерал армии И. В. Тюленев в самый первый момент вторжения германских войск разговаривает в Кремле с Жуковым. Вот слова Жукова: «Доложили Сталину, но он по-прежнему не верит, считает это провокацией немецких генералов» (Через три войны. С. 141). Таких свидетельств я могу привести тысячу, но и до меня много раз доказано, что Сталин в возможность германского нападения не верил до самого последнего момента, даже после вторжения и то не верил. У ком-

мунистических историков получается нестыковка: Сталин проводит самую мощную перегруппировку войск в истории человечества, для того чтобы предотвратить германскую агрессию, в возможность которой он не верит!»

Думаю, что читатель согласится, что версия «Сталин не верил» является одним из самых малоубедительных моментов в советской и постсоветской историографии. Обратимся к реальным фактам и документам. В научный оборот уже довольно давно был введен такой важный документ, как «Директива наркома обороны С. К. Тимошенко и начальника Генерального штаба Г. К. Жукова, командующего приграничными округами, о приведении в боевую готовность войск в связи с возможным нападением фашистской Германии на СССР»: «1. В течение 22–23 июня 1941 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО, ПрибОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО. Нападение может начаться с провокационных действий» (1941 год. В 2 кн. Кн. 2. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. С. 423). Документ был подготовлен с ведома и по приказу И. В. Сталина вечером 21 июня.

На фоне документального свидетельства, слов «возможно внезапное нападение» в Директиве, слова косвенных свидетелей «Сталин в возможность германского нападения не верил до самого последнего момента, даже после вторжения и то не верил» выглядят совершенно неубедительно. Не надо считать главу Советского государства умственно отсталым.

Он мог до определенного момента не верить в то, что Германия осуществит нападение на СССР без попыток политического давления. Война есть продолжение политики. Того, чего не удастся добиться мирным путем, добиваются военным. И тому есть многочисленные прецеденты. Перед вторжением в Польшу был долгий период жесткой политической конфронтации. Еще в 24 октября 1938 года на встрече Риббентропа и посла Польши в Германии Юзефа Липского Польше было предложено вернуть Данциг, разрешить постройку автобана по территории «польского коридора», присоединиться к антикоминтерновскому пакту. Война разразилась спустя почти год, после долгих попыток урегулировать вопрос мирным путем. Конференций и других попыток урегулировать спорные вопросы политическим путем было несколько, начиная с марта 1939 года. События августа 1939-го были финальным актом дипломатической драмы. Перед вторжением СССР в Финляндию в 1939 году финнам сначала было предложено политическое решение конфликта: обмен территориями. Поэтому в нетипичное поведение Гитлера, который нападет без предъявления каких-то ультиматумов или требований, одним словом, без общепринятой в подобных случаях процедуры, не верили. Но, когда факты стали неопровержимо доказывать, что будет именно так, были приняты меры по повышению боеготовности войск, а в последний момент издали директиву войскам быть готовыми к нападению, на всякий случай оставив лазейку для возможного полити-

ческого урегулирования конфликта.

Для понимания того, можно ли факт создания ВСЭ использовать в качестве доказательства существования плана «Освободительного похода», сравним события в СССР с событиями, происходившими в других армиях, как в 1914-м, так и в 1939–1940 годах. Если СССР готовил нападение, то проводимые в предвоенный период мероприятия должны отличаться от тех, которые проводились при вступлении в войну на общих основаниях, вследствие вторжения противника, выполняя союзнический долг или после официального объявления войны. И если мы посмотрим на пример других стран, то сделаем маленькое открытие. Перед Первой мировой войной в России тоже существовал «Второй стратегический эшелон». Это тоже были войска, которые везли из мест постоянной дислокации в районы предполагаемых боевых действий. Были и войска, выдвигавшиеся вплотную к границе. Соответственно, факт проведения подобных перемещений не является признаком агрессивности, как это утверждает Суворов, мероприятия по выдвигению войск внутренних округов были жизненно необходимы для ведения боевых действий вне зависимости от их характера – оборона или наступление.

Посмотрим, различаются ли описания событий предвоенного периода участников Первой мировой войны и мемуаристов Великой Отечественной, цитаты из мемуаров которых так любит выдергивать Владимир Богданович. Ти-

пичная цитата из «Ледокола» на эту тему: *«Генерал-полковник И. И. Людников (в то время полковник, командир 200-й стрелковой дивизии 31-го стрелкового корпуса) был одним из тех, кто этот приказ (о выдвигении к границе. – Я) выполнял. «В директиве округа, поступившей в штаб дивизии 16 июня 1941 года, предписывалось выступить в поход... в полном составе... сосредоточиться в лесах в 10–15 км северо-восточнее пограничного города Ковеля. Движение предполагалось совершать скрытно, только ночью, по лесистой местности» (Сквозь грозы. С. 24)».* А теперь послушаем будущего начальника Генерального штаба Красной Армии Бориса Михайловича Шапошникова о том, как дивизия, в которой он служил, выдвигалась к границе перед Первой мировой войной: «Наступило 13 июля. С утра все предвещало хорошую погоду. Скачки должны были начаться в 4 часа дня. За полчаса до начала от начальника дивизии я получил приглашение ехать на скачки вместе с ним. Но у меня на столе лежала только что доставленная из штаба 14-го корпуса телеграмма. Ее нужно было расшифровать. Поэтому я велел передать начальнику дивизии, что приеду позже, и сел за расшифровку телеграммы. [...] Телеграмма из штаба корпуса была короткой, и через 20 минут передо мной лежал ее текст. Экипаж стоял у ворот моей избы, и я, проверив еще раз правильность расшифрованного текста, отправился на скаковое поле, приказав ехать рысью, чтобы скорее попасть туда. Телеграмма действительно оказалась короткой по чис-

ду слов, но содержание ее было чрезвычайно важно: она гла-сила, что по высочайшему повелению 13 июля объявляется первым днем подготовительного к войне периода. Войскам приказывалось немедленно следовать на свои зимние квар-тиры» (Шапошников Б. М. Воспоминания. Военно-научные труды. М.: Воениздат, 1974. С. 241–243). 13 июля по старому стилю, до начала войны еще неделя. Но кавалерийская диви-зия русской армии получает приказ на выдвижение к грани-це, аналогичный тому, который получила 200 сд Людникова. Предлог был, надо сказать, оригинальный – перемещение на «зимние квартиры» (посередине июля). Вариант «учебные сборы» выглядит более убедительным. В. Суворов показы-вает события в одной армии в одной войне, даже не пытаясь привести пример эталонной «невинной овечки». Поскольку его просто нет. События, происходившие в СССР перед 22 июня 1941 года, были явлением типичным, в той или иной форме происходившим во всех странах и затрагивавшим все армии. Каков механизм этого явления? В мирное время вой-ска располагаются в местах постоянной дислокации, разбро-санных по всей стране. Во время развертывания и сосредото-чения они прибывают к границе с государством, с которым предполагается воевать. В 1914 году началась война на За-паде, и со всей страны начали собираться корпуса в армии вдоль границы с Германией и Австро-Венгрией. Рассмотрим происхождение 8-й армии генерала А. А. Брусилова, о ко-торой мы уже говорили в главе о военном планировании.

8-я армия к началу наступления состояла из 12-го, 8-го, 7-го, 24-го армейских корпусов. 12-й корпус был сосредоточен между Проскуровым и Уманью, практически там же, где начал воевать. 8-й корпус прибыл из района Кишинева – Одессы. 7-й корпус начал прибывать на 6-й день мобилизации из района Екатеринослава (ныне Днепропетровска) и Крыма. А вот 24-й армейский корпус прибыл аж из Самары, он начал прибывать с 17-го дня мобилизации. Владимир Богданович поет нам песни про войска из Московского военного округа, рассчитывая на то, что читатель не знает, что в 1914-м из Москвы в 4-ю армию Юго-Западного фронта прибыл гренадерский корпус. 5-й корпус, в мирное время размазанный по пространству от Воронежа до Нижнего Новгорода, в августе 1914-го двигается к границам и входит в состав 5-й армии Юго-Западного фронта. И вообще вся 5-я армия Юго-Западного фронта в 1914-м формируется в Московском округе. В ее состав помимо гренадерского корпуса входят 17-й корпус из Рязанской, 25-й из Ярославской губернии. Были и Сибирские корпуса, прибывшие на фронт в конце августа.

Разница между Первой и Второй мировой войнами была в том, что военная наука в разделявшие их два десятилетия не стояла на месте и период развертывания и сосредоточения был смещен в мирное время. Начало развертывания определялось либо на основании данных разведки, вскрывавших тайные перемещения войск противника к нашим границам, либо вследствие реакции на возникающую политическую на-

пряженность, либо вследствие назначенной политическим руководством агрессии. Но само по себе выдвижение войск было столь же естественным компонентом подготовки к возможной войне, как и чистка зубов для нас с вами. Если в июле 1914-го тайные мероприятия не носили массового характера, только в августе 1914-го, после формального начала войны, железные дороги оказались забиты составами, везущими дивизии и корпуса к фронту, то во Вторую мировую войну интенсивное движение войск по железной дороге начиналось ДО войны. Нападение может быть внезапным стратегически, когда за несколько дней, а то и недель угроза становится реальностью, но времени отреагировать на нее уже нет и лихорадочное выдвижение войск к границе запаздывает, нападение противника начинается до того, как войска прибудут на место для отражения удара или для реализации наступательного плана. В реальности войне предшествует период политической напряженности, и в этот период войска совершают телодвижения по подготовке к возможным боевым действиям. Рассмотрим реальные мероприятия стран – участников Второй мировой войны, проводившиеся ДО начала боевых действий. То есть действия, которые В. Суворов расценивает как наличие агрессивных намерений. Начнем с первой жертвы мировой войны – Польши. После уже упоминавшейся мной частичной мобилизации польской армии в марте 1939 года были произведены перемещения войск. 20-я пехотная дивизия выдвигалась на юго-запад от Пиотркува,

а новогрудская кавалерийская бригада – к северу от Плоцка. Но основные перегруппировки войск, предусмотренные планом стратегического развертывания, были начаты только 26 августа, то есть за неделю до войны. В этот день соединения польской армии получили приказ на выдвижение в намеченные районы сосредоточения. Приказ о занятии армиями и оперативными группами первого эшелона исходного положения был отдан 30 августа, за два дня до войны. Многие соединения при этом перебрасывались по железной дороге через всю страну на 500–800 км. К моменту нападения немцев из 47 намеченных польским планом соединений закончили сосредоточение только 24. По находившимся в движении в период 1–5 сентября 1939 года 8 польским соединениям работала немецкая авиация, препятствуя процессу сосредоточения и развертывания этих соединений. Из этих 18 соединений попали в намеченные по довоенным планам районы 10, опоздали три и вынуждены были сменить станцию выгрузки четыре. Но даже приехавшие на место войска вступали в бой с ходу и были разгромлены немцами. Мы видим, что тот, кто проводит мероприятия по скрытому развертыванию недостаточно энергично, оказывается перед лицом агрессии слабым и беззащитным. Польская военная мысль определенно отставала от мировых теорий ведения начального периода войны. Ее союзник, Франция, дала нам более показательные примеры скрытых мероприятий по подготовке армии к войне в напряженной политической обстановке. 21–23 августа,

более чем за неделю до объявления войны, французские кадровые дивизии были погружены на грузовики и попылили к позициям на границе. 27 августа вместе со скрытой мобилизацией был введен в действие план «всеобщего прикрытия», согласно этой директиве было поднято до 50 дивизий, которые, однако, не завершили сосредоточения к началу войны, что в какой-то мере помешало Франции помочь Польше. В наиболее цельном и последовательном виде скрытые мероприятия по подготовке к войне прошли в Германии. Как и в случае с планированием, немецкая военная мысль находилась на острие прогресса. Немцы ПОЛНОСТЬЮ сместили период сосредоточения и развертывания в мирное время. Сосредоточение и развертывание немецких войск в Восточной Пруссии началось с 6 августа 1939 года под предлогом празднования 25-летия битвы под Танненбергом в августе 1914-го. В результате подобных мероприятий к 25 августа из 58 соединений, предназначенных для действий против Польши, 29 уже находились в районах сосредоточения. Далее сосредоточение и развертывание проводились параллельно с проведением общей скрытой мобилизации. К утру 1 сентября 1939 года были уже развернуты 43 соединения, то есть практически главные силы войск вторжения. Против 24 соединений польской армии. Исход поединка 43 против 24 предугадать несложно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.